

Поднявшись из метро, немного пройти по одной из наших витринных улиц с пластически прооперированными фасадами, с чуждоязычными надписями и ирреальными окнами магазинов иной цивилизации. Свернуть во двор — всего-то шагов пять, — в контраст, самое распространенное состояние теперешней жизни. Пятак асфальта в привычных оспинах, где сгрудились вперемешку помойные контейнеры, чахлые деревца и ин-

тернациональные авто. Мрачно-аммиачный подъезд с белеющей заплатакой объявления на стене «не будет воды и электричества с... до...» Вот и лифт, вот и этаж. Квартира...

Дверь мне открывает сам собеседник, человек слегка утомленного, но приветливого вида. Невесть откуда тыкается в сознание незатейливый журналистский штамп: «сегодня мы беседуем с...» Но как дальше-то? В какой ипостаси обретается ныне этот безусловно имеющий известность, популярность (эпитеты к ним подберите по вкусу) человек, кто он — писатель? Публицист? Борец? Да он и сам на момент задумывается перед ответом, усмехается, поправляя очки характерным жестом.

— Национальный герой! Пожалуй, так... В 74-м году перед отъездом из Союза я написал этукую концептуальную поэму «Мы — национальный герой». Ироническая поэма, которая предвосхитила славу. Так что вот, мы — национальный герой. А если говорить серьезно, то я хотел бы им быть. (Не президентом, нет). Вот я к этому иду.

— По какому пути? Герою — кем именно? Вообще вы по натуре рядовой боец или начальник штаба?

— Некая причудливая смесь солдата, поэта и — немножко — бюрократа, начальника штаба.

— А он, мятежный, просит бури... и т.д. Про вас можно так сказать?

— Теперь уже можно. Когда мне было лет 20, сказать так обо мне было нельзя, хоть и хотелось, конечно, подобной характеристики. Но после двадцати пяти книг, после пяти войн... уже можно обо мне это говорить.

— Откуда у вас столько энергии? Кажется, она неистощима...

— Наверно, от родителей. От генов. Неистощима? Бывает, устаешь до потери сознания...

— Возможно, есть какой-то режим? Зарядку делаете, не курите-не пьете?

— Не курю давно. Пью как все нормальные люди. А режима нет. Наоборот, режим большей части моей жизни — это бедность: то судьба поэта, то судьба эмигранта, то судьба начинающего писателя во Франции. Если не голод, то полуголод; ограниченность в средствах; бесконечная смена случайных квартир. Никогда ничего своего не было. Может быть, этот режим и сделал меня таким... устойчивым.

— Сейчас-то таких проблем не существует?

— Не голодаю, конечно. Но жить здесь негде. Во Франции квартиры тоже никогда не было. Снимал. Никогда не было машины... Книги вот написал. А этого всего, материальных богатств, не собрал.

— Задача такая не ставилась? Тяги не было?

— Не было... Я не обожествляю бедность, я не отказался бы и от богатств; почему нет? Но если за них надо платить ценой отказа от убеждений, от всего, что мне близко и дорого, от — особенно! — образа жизни... Тогда не надо никакого богатства.

— Эдуард Вениаминович! Похоже, вы — человек очень увлекающийся, прикипающий, но и столь же бесспорно, резко остывающий. Взять хотя бы ваши отношения с Жириновским.

— Коль уж тут конкретный пример, то надо пояснить. Жириновский меня привлек тем — и это его качество я никогда не опровергал, — что он очень современен, динамичен. Но мое увлечение, как вы говорите, немедленно закончилось, когда я обнаружил, что он тотально неискренен, тотально не тот, за кого он себя выдает. Я идеалист, даже очень много идеалист, а люди моего типа не прощают таких вещей. Вот у меня сейчас конфликт с оппозицией (ну и не только у меня); не прощаю им лжи. Жизнь несерьезна, если менять убеждения можно каждый сезон.

— Это политически. А, как говорится, по жизни вы легко ранимы?

— Абсолютно нет! Я хохотал, даже получал удовольствие от всех этих глупостей и гадостей, которые про меня писали (и продолжают).

— Как вырабатывается подобный иммунитет?

— Не знаю. Видимо, все эти нападки — подтверждения того, что я в мире есть, что я сильно есть в мире. Мое присутствие заметно, если существует такая злоба на меня... Вот равнодушие — самая опасная вещь для любого человека. Это как могила без надписи. Вот что чудовищно для каждого.

— По характеру вы — волк-одиночка?

— Когда-то бывал им... Ведь я начинал свою жизнь не как одиночка. Работал на заводе сталеваром — был в бригаде (мой портрет висел на Доске почета). Потом был поэтом в Москве — частью контркультуры. Дружил с Ленией Губановой, с Венедиктом Ерофеевым. Я все время был вместе, был частью. Когда уехал на Запад, там стал одиночкой. Но то было вынужденное одиночество. А вернувшись, я снова стал вместе. Я уже давно не один: с оппозицией, с радикальной оппозицией.

— Вот вы были в эмиграции...

— Да не был я в эмиграции! Выдумка получается! Просто у меня сложилась такая ситуация — в 73-м году меня арестовали и спокойно сказали: или вы уедете, или мы вас посадим. А я молодой был, женился. И подумал, что сидеть не хочу.

— Скажем так: вдали от родины чувствовали тоску по ней?

— Как таковую — нет. У меня всегда было четкое ощущение, что я русский. Это видно с первой моей книги. Посмотрите, как там все это выпирает: я вот русский, а они все другие. И была борьба этого русского против этих других... Вот ведь что интересно. Когда меня упрекали, что я начал сотрудничать с «Советской Россией», я отвечал: «Возьмите мою книгу «Это я — Эдичка», соберите соответствующие абзацы и у вас получится... статья для «Советской России». Дело в том, что я не менял сво-

их убеждений. Я последователен, и тому есть доказательства. Мои первые статьи против Сахарова, Солженицына датированы 75-м годом. Я говорил тогда, что эти люди — разрушители, и их единомышленники, последователи, духовные дети в конце концов приведут страну к краху. Ну и что вы видите?..

— Вы вернулись в Россию. Спрашивается: «а че он приехал?»

— Сама формулировка смущает. Я никуда не приехал, я — был.

С 92-го я живу в России постоянно. В этом году я был за границей 15 дней. Всего! А отношение к приехавшим действительно разное. К примеру, Ростропович приехал героем — поиграл на баррикадах, когда уже все было ясно. Солженицын приехал. Газеты по-разному писали, но, в основном, «прекрасно, что человек вернулся». Я живу здесь почти постоянно, но каждый раз не преминул вколоть мне эту шпильку — «парижский писатель». Ну что ж, это один из способов борьбы с человеком. Хоть как-то его принизить... Нет уж! Я — не «парижский писатель».

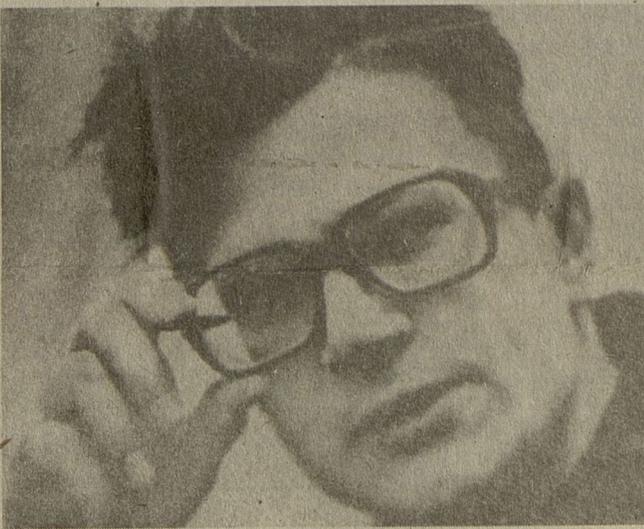
— Наверняка вам несложно сравнить родину образца 94-го года и ее же — двадцатилетней давности.

— Прежнюю Россию я не считал идеалом. Но сегодня страна... Она, вы же знаете, уменьшилась намного. Это всегда плохо. Возьмите любую историю, любого историка: территориальные потери для страны — это минус. И то, что было сделано в декабре 91-го, будет квалифицироваться как преступление...

Страна в плачевном состоянии, в чудовищном. Агонирует. В 74-м этого не было. То была дряхлая империя с массой противоречий. Но — каких-то... привычных противоречий. А самым неудовлетворенным классом являлась, на самом деле, интеллигенция. И вот теперь она если не впрямую дорвалась до власти, то поставила у власти людей, которые оказались под рукой. Вот результат. То, что у нас сегодня происходит, это приговор нашей элите, нашей интеллигенции — неумной, несвоевременной, мазохистской...

Эдуард Лимонов:

«Почувствовать укол совести»

— Как долго продлится, как вы называете, агония? Она-то, как правило, заканчивается однозначно.

— Это может продлиться достаточно долго. Видите ли, считалось, что то государство было бедным и т. п. Но ведь его наследство оказалось немалым. Грабят, таскают, а что-то все еще есть. И Россия очень богата... Кроме того, считалось, что наш народ за годы коммунизма стал долготерпимым. Ничего подобного! Трех лет еще нет тому, что ударило и ударяет по людям. А к 17-му году противоречия гуляли по России столетиями, накапливаясь от войн, от революций, от прочего. Так что те, кто говорит, успокаивая себя, что революции не будет, страшно ошибаются.

— То есть выздоровление возможно лишь через бойню, через беспредел, через кровопускание?

— Когда говорят «будет кровь», я говорю «она уже есть». И ее так много... Оставаясь в пределах уголовного кодекса — никого ни к чему не призывая, — я хочу заметить, что исторические примеры нам показывают: все революции заканчивались справедливо, ибо возобладали сильная на тот момент сторона.

— Противоестественный естественный отбор?

— Увы, иначе в истории не происходило.

— А вы можете сделать прогноз более конкретный и менее кровавый?

— Национализм будет крепчать. Ближайшие 20 лет это будет главным. Он станет основным течением русской политики, основной темой всех разговоров, основным направлением движения общества.

— Ну а простому-то человеку куда деваться? Ведь все эти зовущие к себе и за собой партии и вожди, как ни крути, суть — шакалы, шакалы разной масти...

— Ну почему?! Есть политики, для которых благо Родины — высшая цель, высшее удовольствие.

— Так где ж они?

— Пока не знаю... Если судьба даст мне возможность стать большим политиком, то я таким буду. Я не рвуся к собственному процветанию. Мне ничего не нужно. Я, например, до тошноты ненавижу буржуа... Власть уже сама по себе награда! Как можно примешивать к этому страсть к коррупции, желание нахапать, нагрести?!

А простой, как вы говорите, человек спит. Он не участвует в политике. Хотя ведь никому это не запрещено, особенно в нынешней российской ситуации, когда любой человек может стать непростым. Нынешнее время предоставляет массу возможностей. Вот парадокс: жить сейчас тяжело, порой препротивно, но на самом деле в это время можно стать героем, победителем... А «простой человек» — это выбранная позиция. Когда говорят «поднять народ», мне смешно: народ спал и будет спать во все революции. Решает все активная его часть. Поэтому претензии людей, что власть такая-сякая, несостоя-

тельны. Участвуйте во власти, участвуйте в политике. Как угодно, даже выборным путем. Участвуйте, пытайтесь перевесить. И тогда «выступайте», а нет — не «выступайте», не жалуйтесь на несовершенство общественного устройства.

— Эдуард Вениаминович, по-вашему, политика это мед или другой «продукт», на который слетаются?..

— Аристотель относил политику к числу искусств. Это одно из самых основных занятий человека во все времена — устройство общества, города, в котором он живет, выработка кодексов, заповедей. (В России долгое время не было политики. Была одна власть, иерархическая, почти династическая)... Политика — это увлекательно. Это не грязь, нет. Это — страсть!

— Вам при вашей занятости удается следить, скажем, за культурной жизнью, за литературой?

— Что-то читаю, но, как говорится, по наводке, по чьему-либо совету. К сожалению, ничего достойного в последнее время не видел. Очевидно, старая литература умерла, советские писатели пошли в макулатуру. А где писатели-диссиденты? Исчез строй, на которм базировались их темы, и — все, теперь их невозможно стало читать, сплошное разглагольство. Вышибло их из литературы.

Молодые писатели наверняка появились. Россия всегда была богата талантами. Но пока они станут видимы, еще лет десять пройдет. А то и больше.

— А вы сами сейчас что-то пишете?

— Последний пока роман написан мной в 91-м году — «Иностранец в смутное время». Но романы же нельзя писать каждый год. Это излишне. Я пишу время от времени рассказы, это есть. А если будет укол совести, укол воображения и вдруг захочется сделать роман, я, естественно, его сделаю.

— Как вы работаете? Не секрет?

— Довольно быстро. Книжку «Лимонов против Жириновского» я за четыре недели написал... Знаете, важно найти правильную тональность. Я долгое время был поэтом, и для меня поэтом очень важно найти правильную тональность. Подобрать ключ — как я буду писать. Потом все идет очень легко.

Две странички положили начало роману «Подоросток Савенко». Я набросал не совсем понятный мне текст, потом куда-то отложил. Года через два наткнулся на него и подумал: ведь это великолепное начало для романа. (Помните: «Эди-бэби пятнадцать лет. Он стоит с безразличной физиономией... Сегодня Седьмое ноября...»). И пошло.

— Имеет ли значение погода, время суток, время года?

— Абсолютно нет.

— В каких отношениях писатель Лимонов и его литературные герои?

— В сложных.

— Какую часть себя вы им отдаете? Про автобиографические романы почти все понятно, но, к примеру, если обратиться к таким, как «Смерть современных героев», «Палач»...

— «Палач» это один из вариантов судьбы. Что бы могло произойти со мной, как бы повернулась моя жизнь и как бы я дальше жил в Соединенных Штатах, не будь у меня таланта. Это, кроме всего, социальная сатира; почти на каждой странице сильная сатира на Нью-Йорк. Роман передает характер Нью-Йорка. Действительно, этот город садомазохистский. (Москва становится таким городом). Тяжело жить, грязь и роскошь. Все перепутано, переплавлено. Это нечеловеческий город, ненужный... Поэтому странно, что в России некоторые принимали этот роман как крутую эротику, чуть ли не как порнографию.

— Читатели не доросли, может быть?

— Дело не в том, что читатели плохие, а я хороший. Просто у них нет всего опыта. Речь даже не о читателях, о — критиках. (Читательские мнения до меня доходят совсем другие). А критики увидели роман о садисте. Да это же политическая сатира, и чтобы получилось резче, мной выбран такой необычный герой — профессиональный садист.

А русский читатель быстро все усваивает. И прошел за последние несколько лет путь, который западный читатель за столетия проходил. Я на российских читателей совершенно не в обиде. Напротив: поражен их открытостью, благодарностью.

— Роман вы сейчас не пишете. Но журналистски не простаиваете?

— Готовлюсь выпускать газету. Называться станет «Лимонка», и будет газетой политически-культурного радикализма. Я перестал печататься в «Завтра», в «Советской России» — они отошли на другие позиции. Поэтому «Лимонка» мне нужна, чтобы высказывать свое мнение. (Давая место и другим, конечно.)

— У газеты будет что-то общее с настоящей лимонкой?

— Да, нужно найти «гремучую смесь», форму. Моя газета не будет партийным органом, я решительно не хочу этого. Пусть это будет популярная, современная газета, продаваемая с успехом, как и мои книги. Газета для всех.

— Эдуард Вениаминович, вы — верующий человек?

— ... Даже в церкви венчался в 73-м году. Тогда это было немодно, даже опасно. Я не ханжа, я считаю, что Бог — внутри нас... Есть масса людей, они кресты даже поверх платья таскают. И все эти постоянные разговоры: я в церкви был, я службу отстоял, я пост соблюдаю... Полагаю я, что с Богом надо наедине беседовать. Тогда это честно. А все иное — суэта, тщеславие и мода. Ельцин, бывший 35 лет членом партии, вдруг стоит со свечой. (Он же не пришел в 73-м, как я.) Жириновский тоже со свечой... Политические очки набирают? Это уж совсем кощунство.

— Вы задумываетесь о возможно предстоящем отчете у Всевышнего?

— Я не знаю, перед Богом ли, но даже здесь перед самим собой — это безусловно — надо быть честным. У меня есть своя категория ценностей, я им следовал и следую. И на сегодняшний день я думаю, что прошел по этой жизни достаточно достойно.

Понятно, что такая личность, как Эдуард Лимонов, не уместится в нескольких колонках газетной странички... Его книги можно читать или не читать, с его высказываниями можно соглашаться или нет. Но все эти «можно или нет» уже не оттого, что он — Лимонов, корректный либо эпатирующий, порой лексически, либо поведенчески ненормативный. А оттого, что тут он точен: теперь и вправду можно иметь — даже не имея ничего кроме — или нет свое мнение, своего Бога, свой путь. Участвовать! Участвовать в жизни вокруг или в своей жизни — смотря кому что ближе и кто к чему более способностей обнаруживает.

Беседовал
Дмитрий ОРЛОВ

Михаил Эдуардов

11.10.94.